

Денис Елишев

12+

День бобра

Денис Елишев

День бобра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Елишев Д.

День бобра / Д. Елишев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История о том как случайная встреча на одном озере может связать судьбы двух людей.

Ну вот. А еще говорят – русалок не бывает. Но где-то же Иваныч ее выловил. Русалка, как есть. В изящном, модном, со вставками, двухцветном гидрокостюме на молниях, популярных сейчас у дайверов мягких, неопреновых сапожках на кевларовой подошве, с гривой светлых, золотистых волос и насмешливым, уверенным в себе взглядом.

Но, судя по всему, основания для такого взгляда есть. Я смотрю, как ловко и привычно она управляет аквалангом, фотокамерой, фонарями для подводной съемки и понимаю, что в своем деле девушка не новичок. Интересно, откуда она здесь взялась в это время? Апрель у нас еще не сезон. Предвкушение сезона. Нужно будет попытаться Иваныча.

Я привычно машу ему в знак приветствия. Мы часто по утрам встречаемся с ним на причале. Он грузит первые группы туристов на свою старенькую моторную яхту, которая появилась здесь, по-моему, еще до начала «регулярных наблюдений за погодой». А я в свою надувную лодку – приборы, снаряжение и припасы для лаборатории. Русалка вместе с ним машет мне в ответ. Ну, что же. Спасибо.

Утро сегодня замечательное. Солнечный диск появится из-за горы позже, но его первые лучи уже ударяются в нашего каменного исполина, огибают его и мягко подсвечивают залив и все озеро. Совсем тихо. И так красиво.

Вода пока одной температуры с воздухом, поэтому он над озером сейчас абсолютно прозрачный. Настолько, что просматривается махина заброшенного железнодорожного моста на том, противоположном берегу, у старого гранитного карьера. Он был закрыт еще до войны и теперь там заповедник, где имеет честь служить ваш покорный слуга.

К своим двадцати восьми годам я успел получить диплом магистра биологии в нашем краевом университете, маленькую лабораторию под свое начало на противоположном от городка заповедном берегу озера и немецкую овчарку Дору – единственного пока моего коллегу и компаньона. Там же, у моста, в озеро впадает горная река и живет большая колония бобров – они мои подопечные и главный здесь объект исследований нашего института.

Что еще?

Шапка волнистых черных волос, рост чуть выше среднего и крепкое, атлетическое телосложение. Но это благодаря занятиям спортивной гимнастикой в юности и теперешним постоянным физическим нагрузкам. У нас здесь по-другому – никак. Да. Еще говорят что довольно спокойный и веселый нрав. Тут мы с Дорой похожи.

Я наблюдаю за нашей гостьей уже неделю. С прошлых выходных. Но пока знаю о ней только то, что каждое утро, еще по рассвету, она появляется здесь со своим снаряжением и они на яхте Иваныча – строго вдвоем уходят на прогулку по озеру, где она много снимает. Под водой и над водой. А каждый вечер она сидит здесь, у пристани и что-то все время рисует в альбоме с помощью огромной пачки цветных карандашей.

Хотя, чего наблюдаю – похоже, уже люблюсь. Но пока они не приближаются к границе заповедной зоны – это, в общем, не моё дело и я держу дистанцию.

Правда, вчера Иваныч шепнул мне по старой дружбе, что на сегодня у них запланирована вылазка к мосту, а это уже моя епархия. Со стариком у нас есть соглашение. Я без всяких проблем и на месяц вперед подписываю ему разрешения на посещение акватории заповедной зоны, а он следит, чтобы никто не выходил на берег и не беспокоил бобров. И у нас, слава богу, нет с ним здесь никаких проблем. Я все равно собирался проводить сегодня наблюдения в воде и кое-какие замеры, поэтому заодно и поныряю возле моста. Тем более, что в это время года и при этой температуре воды там действительно потрясающе красиво и есть на что посмотреть.

Они уже здесь. Под третьей опорой моста, на фарватере я вижу яхту Иваныча на якоре. До дна здесь примерно 14 метров и для нырялки на такую глубину мне акваланг не нужен – так что я налегке.

А вот девушка наша легко выдает себя по облакам пузырей, ритмично поднимающимся на поверхность примерно каждые 15 – 20 секунд. Хорошо дышит, грамотно. Молодец.

Я делаю гипервентиляцию легких, успокаиваю сердечный ритм, переворачиваюсь, выпрямляюсь и ухожу вниз. Теперь я понимаю, что ее здесь привлекло. Судя по расположению фонарей, она хочет снять мост с поверхности воды. Вместе с частью мрачной, присыпанной гранитными валунами и заросшей водорослями опоры. Примерно с метровой глубины. Хороший вид.

Но сейчас она что-то осматривает у самого дна – на почти пятнадцатиметровой глубине. В холодном полумраке, среди завалов и коряг, перепутанных остатками канатов и старых обрывков сетей, в которых снуют метровые щуки. Я и сам здесь поеживался, когда только начинал нырять. Жутковато, что и говорить, привыкнуть нужно. А она молодец, совсем одна здесь. И не боится. Респект.

Но вот в чем проблема аквалангиста. Облако пузырей, этот нелепый жилет с баллоном и пауком шлангов за спиной, свистящий регулятор. И я вижу и прекрасно слышу ее издали. А она меня – нет. И тут я легонько постукиваю ее сзади по баллону...

Мда.

Это я, конечно, зря. Смешно – это, когда смешно всем. А тут человек и так адреналин в кровь лошадиными дозами получает. И при этом она же уверена – что вокруг на километры никого, кроме дедушки наверху. И тот на борту яхты.

В общем, эти глаза тогда в маске я запомнил потом навсегда. Но хуже испуганной и разъяренной женщины может быть только испуганная и разъяренная женщина в акваланге с дайверским ножом. Поэтому принимаю за лучшее поскорее отсюда убираться. Наверх. На яхту. Под защиту Иваныча.

Даже хорошо подготовленному пловцу запаса воздуха в 15 – литровом баллоне, это при такой глубине погружений – примерно на час. Поэтому минут через пятнадцать мы выживаем нашу девушку со всем ее добром обратно на борт.

Ходу от моста до причала в заливе на старушке Иваныча – минут двадцать. И за это время я, за этот фокус на дне узнаю о себе много нового. О своих шуточках, и о своих сексуальных наклонностях, о всех своих родственниках, и вообще – всех жителях нашего городка. Иваныч за штурвалом давится от смеха, но делает вид, что ничего не слышит. Мои робкие замечания что вообще-то это заповедная зона и любая деятельность здесь проводится с разрешения – только добавляет масла в огонь.

Мне совершенно прозрачно объясняют, какого цвета тот гроб, в котором девушка видела всех чиновников с их запретами, что никого и ни о чем она спрашивать сейчас не собирается, а меня – в особенности и вообще – «наохраняли» уже природу так что и бобров скоро не останется. Вот.

Иваныч уже не давится, а просто ржет в голос.

А я замечаю, что если издали она смотрится симпатичной, то здесь, вблизи – просто очень. Ну, вот очень и очень. И еще я замечаю что в мокром гидрокостюме и на ветру она уже совсем продрогла и у нее слегка от этого посинели губы. Но ей идет даже это.

В каюте Иваныча висит моя теплая ветровка – маленькая привилегия постоянного клиента. Я одеваю девушку и понимаю, что уже не свожу с нее глаз. И до самого причала, на ходу пытаюсь придумать какой-нибудь подвиг, который позволит смыть вину кровью и сменить гнев на милость. Но все что я пока могу – это добровольно пробатрачить на переноске всего этого добра от причала до ее небольшого но свежего Рено на парковке. Похоже, я все-таки прощен, потому что куртку мне возвращают уже с улыбкой.

Она сигналист нам на прощание и уезжает.

– Нет. Ну, ты это видел, Иваныч? И как теперь к ней подступиться?

– Ох, Костик, Костик. Вроде же умный, такой красивый парень, но какой же ты еще молодой. Да я тут одним глазом, случайно, в альбом ее глянул – пока она там на дне шастает. Там же половина зарисовок с тебя.

– Иваныч. Тебя в детстве не учили, что это не хорошо, по чужим альбомам рыться?

Иваныч недовольно ворчит: его можно только убить, воспитывать поздно. И нигде он не рылся, альбом просто сверху лежал. А я не только молодой, а еще и слепой, если сам ничего не вижу.

Хорошо что матушка в детстве научила – перед стиркой карманы в одежде проверять. Именно там, в нагрудном кармане куртки я его и нашел. Маленький кусочек ватмана с написанным синим карандашом аккуратным каллиграфическим почерком номером телефона: 89777070797 Дарья.

Знаете что такое счастье? Это когда ты о чем-то все время думаешь и при этом постоянно улыбаешься. Даже во сне. Хотя какой там сон. Говорят утро вечера мудренее? Наверное. Но это явно не мой случай. У меня до утра в глазах эта роскошная грива. Изумительной чистоты и красоты серо-зеленые глаза, которые окатили меня такой яростью там на дне, а потом изводили издевательским холодком на яхте и совсем прожгли, прощаясь, на парковке. Контрольный в сердце. Чтобы наверняка. Да. И один бюст минимум третьего размера чего стоит. Ей – богу не вру.

В общем, вспоминая все это, я понимал, что у меня уже там, на яхте, от вида этой девушки в первый раз в жизни отчаянно кружилась голова, и горели уши. И на живот мне лучше не переворачиваться – набрякающие части тела сразу же пытаются перевести меня в вертикальное положение.

Потерял сознание только под утро.

– Алло. Доброе утро, Даша.

– Доброе утро, Константин.

Стоп. Я же не говорил ей, как меня зовут. Интересно, что этот старый пройдоха еще про меня наплел?

– Вы меня простите за вчерашнее.

– Проехали, Костя. И это. Давай на «ты» – так просто быстрее.

– Понимаете. Тут с бобрами такая история – их действительно беспокоить нельзя. Они сразу уходят. Я поэтому так переживаю. А не потому что вы что-то там не то делаете. Мне очень понравилась задумка ваша, то есть твоя, с мостом. Фото с поверхности воды? Если получится – будет круто.

– Ты понял?

– У меня предложение. Все сделаем без проблем – я помогу тебе с удовольствием. Но без яхты и без аквалангов. Чтобы никакого шума, свиста и пузырей. Так пойдет?

– Когда отправляемся?

– Ну, сегодня я занят. А вы ночью в нашем озере плавали?

– Бог миловал Костя. Я в вашем городке в первый раз. И надеюсь в последний.

– Не начинай. Давай так. Заход солнца у нас сейчас в семь, значит стемнеет к восьми. Вот в половине восьмого – на причале. Костюм потеплее, ласты, маска, шноркель и хорошее настроение. Все остальное я возьму. Приезжай обязательно – не пожалеешь. Озеро днем и озеро ночью – это два совершенно разных водоема, поверь.

– Боюсь, что пожалею все равно. Но ведь это будет потом?

Странное дело. Миллионы людей, молодых, совсем еще маленьких и пожилых мечтают о космосе. При этом они и не знают что он тут – совсем рядом. Что нужно для того, чтобы там побывать?

Лунная ночь, хороший друг рядом. Или подруга. Гидрокостюм, ласты, маска, шноркель, нож и фонарь. Все. Фонарь, в общем, так. На всякий случай. Еще хорошая погода, конечно. И хорошее настроение.

Необязательно при этом уплывать далеко или нырять глубоко. Пожалуй, даже наоборот. Все самое красивое вы найдете на ближайших к берегу песчаных и галечных отмелях. Но главное – это светлячки. В теплом весеннем или летнем озере их мириады. И не говорите мне что это не космос. Это вселенная. Это галактики, кометы и звездные ливни. Только не включайте фонарь. Чудо исчезнет. Вы не представляете что такое светящийся фосфорящийся в темной подсвеченной только лунным светом воде след от плывущего человека. Или русалки.

Ночное озеро само по себе зрелище незабываемое. Не бойтесь его. На самом деле в нем в это время опасностей гораздо меньше чем днем. К нему просто нужно привыкнуть. Мягкий лунный свет одновременно отражается от его поверхности, рассеивается в его толще и, достигая светлого песчаного дна, отражается от него, подсвечивая удивительным одновременно зеленоватым, синим и серым светом поверхность у самого дна. А огромные листья водорослей, в этой толще удивительным образом темной, но все же прозрачной воды, на просвет превращаются, как в сказке, в волшебные люстры. Я уже умею набирать достаточную скорость, при подъеме на ластах со дна на поверхность. Туда, наверх, к этому чудесному превращению мерцающего и пляшущего сверху над головой желтоватого пятна в ослепительно белый, искрящийся снегом лунный диск в таком же как и это ночное озеро темном но удивительно прозрачном небе. Также усеянном мириадами светлячков.

А сегодня мне вообще повезло. Как в сказке. Я встретил здесь самую настоящую русалку. И меня завораживает в ней все. Ее голос, ее улыбка. Я понимаю, что влюбляюсь по уши, но ничего не могу с этим поделать. А может – и не хочу?

Утром мы грузим в мою лодку все Дарьино снаряжение и отправляемся вдоль правого южного берега озера ко мне на факторию. Оттуда до моста уже совсем недалеко и мы пройдем туда на ластах. Для съемки мы выбираем вторую опору моста. Она ближе к берегу и не такая высокая. Все видят ее надводную шестиметровую часть и практически никто, и никогда, не видит такую же шестиметровую подводную. Такова уж загадочная природа поверхности водной глади. Не зря это слово женского рода.

Она тщательно прячет от нас свои подводные секреты и только иногда позволяет полюбоваться отражениями нашего надводного мира.

К делу Дарья нужно сказать относится вполне серьезно. И повозиться нам в итоге пришлось. Но меня беспокоит не это. Еще с обеда я замечаю в горах на западе быстро растущую тяжелую сиренево – пепельную тучу. Она уже вовсю гроыхает, быстро движется к нам против ветра и начинает сверкать изнутри розоватыми вспышками. Я хорошо знаю, что будет дальше – и нам пора уносить ноги. Ну, то есть ласты.

Но все развивается слишком быстро. Туча уже над нами. Быстро темнеет, по поверхности воды бежит крупная рябь, и барабанят непривычно крупные капли. Но все это быстро стихает и именно это пугает меня больше всего. Птицы умолкают, куда-то исчезают даже вездесущие комары. Все замирает и готовится к удару. Становится совсем тихо и слышно как в устье реки грызут деревья мои неутомимые бобры. Небо над нами раскалывается с диким грохотом. Мне, слава богу, не приходилось бывать под бомбежкой – но очень похоже. Удары молний идут уже непрерывно, и от их неоновое свечения становится светло. Но не как днем, а как в ночь апокалипсиса. Грохот стоит такой что ничего не слышно, и я даже не пытаюсь кричать, а просто машу Дарье, чтобы она отдавала снаряжение мне и быстрее выскакивала на причал. Ураганный ветер в порывах воет между опор моста, устраивает там дикую шаманскую пляску

и моментально разгоняет по озеру приличные метровые волны. Кажется, что он хочет оторвать прибрежные скалы и сбросить их в воду. Холодный дождь хлещет стеной. Конец света.

Рядом с причалом лаборатории есть небольшая каменная яма на дне озера. Метров семь глубиной. Я ныряю туда, а там абсолютный покой, тишина и только слегка покачиваются стебли подводных лилий. Сюр какой-то. Я оставляю все наше хозяйство там как в камере хранения. Ничего. Полежит до утра – никуда не денется.

Выныриваю и вижу, что русалка моя все же запаниковала. Она не видит меня нигде и пытается снова войти в воду. Естественно попадает на прибрежные камни и, по-моему, прилично ранит об них ногу. Я хватаю ее на руки и вылетаю с ней на берег. Вбегаю в дом, а там у каминной печки на любимой подстилке, валяется безмятежная Дора и удивленно разглядывает нас даже не подняв голову с лап.

Мы смотрим, друг на друга, на собаку, и начинаем хохотать. Похоже на истерику.

Спичка в камин,
костюм долой,
Дора в вольер,
на пол толстый, теплый ковер,
на ушиб – лед.

Все не так страшно. Перекись, йод, пластырь – и в руках у меня заслуженный и такой долгожданный трофей.

Дрова в камине разгораются и в их красноватом свете эти нежные красивые с натурального цвета лаком пальчики на ее ножках становятся розовыми. Я осторожно целую каждый. У нее стройные изящные лодыжки – мне всегда казалось что это у девушек признак хорошей породы. Маленькие эротичные колени. Ядвигаюсь губами вверх по внутренней поверхности ее стройного, слегка не пропорционально вытянутого бедра. Но мне нравится. Дарья начинает заметно волноваться.

Небольшое сопротивление, приличия соблюдены и ее купальник уже у меня в руках. Он летит сохнуть на каминную полку рядом с моей футболкой.

Я целую ее мягкие, нежные половые губы, она хватается за мою голову руками и начинает тихонько стонать. Нос мне щекочет маленькая, аккуратно подстриженная полоска волос и я уже вижу ее нежный пупок, в котором сверкает небольшая золотая булавка с красивым зеленоватым камешком. Кожа на ребрах такая тонкая и нежная что их можно считать – ну куда это годится? Как можно изводить так себя этими безумными диетами?

Но вот я уже у самого любимого. От всех этих переживаний два ее волшебных бугорка наливаются и становятся упругими как мячики. Но тут уже Дарья, наконец, добирается до моего лица. Камин совсем разгорается и мы становимся мокрыми сверху, а скоро и мокрыми снизу. Ковер натуральный и мягкий – но я все равно прилично растираю об него колени.

И это хороший повод перебраться на постель.

Дарья смеется и говорит что лекарь из меня – что надо и уже ничего не болит.

Гроза стихает также внезапно и быстро как и началась. Все сверкает и шумит уже дальше – над поселком. Ему тоже сегодня достанется. В окно наконец-то пробивается яркий лунный свет и заливает все внутри волшебным сиреневым цветом. Утомленная бурным сексом Афродита в лунном соусе. Употреблять теплой.

Уже совсем поздно, а мне так много нужно ей рассказать. О себе, своей лаборатории, моей маме, Доре недовольно поскуливающей в вольере, моих любимых бобрах.

А Дарья смотрит на меня, подперев голову рукой, у нее с плеч спадает эта волшебная грива и в лунном свете глаза искрят дьявольским хохотком.

У меня снова шумит в голове, и я опять хочу ее. Здесь и сейчас.

Не помню, кто потерял сознание первым. Но утро – это мое время. Я таки жаворонок. А Дарья в моей футболке. Видно ночью замерзла. Она велика ей размера на три, но ей все равно идет.

И да. Любовь – это болезнь. Ну и что такого в мочках ушей мирно спящей девушки, краснеющих в первых лучах восходящего солнца?

Но это сводит меня с ума.

Зато утренний секс для меня – как песня жаворонка. Хотя и не очень длинная, зато красивая и такая энергичная. Мы лежим с ней задохнувшиеся мокрые и абсолютно счастливые.

У меня непривычно побаливают щеки. Это от поцелуев и от того что я всю ночь улыбался. Даже во сне. Ну, Дарья так говорит.

Ветер стихает, но ни о каком переходе на лодке, пока не может быть и речи. Дора недовольно скулит, я одеваю гидрокостюм и выхожу с ней на причал. Ныряю и достаю со дна все наши сокровища. Все в порядке. Я смотрю на небо и впервые со времени болезни мамы прошу его: пожалуйста, пусть этот ветер подует еще недельку – другую. А лучше месяц или вообще лет сто.

Я возвращаюсь и сообщаю Дарье, что мы остаемся здесь еще на сутки, форс-мажор. Она спросонья только издает клич ликующего бобра и заваливается спать дальше. Ну, что же, спи.

А я пройду к своим подопечным.

У меня были в жизни романтические отношения. Чего хитрить. В моем возрасте с факторией в таком живописном месте и толпами туристок в нашем городке пытаться остаться в «целости и сохранности» – плохая идея. Трудно реализуемая. Но это все была просто гимнастика. Как я теперь понимаю. Причем сугубо спортивная. Только сегодня утром я наконец-то понял что настоящая гимнастика – она вот такая, художественная. Знаете в чем разница? Если от близости с девушкой у меня сильно учащается пульс, то с Дарьей сердце просто выпрыгивает из груди только от мысли об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.